

СПОЛОХИ

1-й сборник студии стиха.

Предисловие.

Этот сборник стихов составился из работ студийцев * в руководимой мною Студии Стиха. Студия возникла четыре месяца тому назад по частной инициативе группы молодежи, пригласившей меня для руководства основным предметом наших занятий.

Состав студийцев довольно разнообразный — начиная от рабочего и кончая студентом.

Все это люди чуткие, восприимчивые, с большими интеллектуальными запросами.

Первой задачей Студии мы поставили изучение теории стихосложения, приемов и методов, ибо мы полагали, что всякое художественное творчество возможно только при знании техники.

Поэтам самоучкам, каковыми были до сих пор все наши поэты, приходилось чрезвычайно много затрачивать времени и труда на усвоение техники, каждому сызнова изучать по литературным образцам и создавать свою теорию стихосложения, ибо никто из них не оставлял после себя ни записок ни трудов по теории — она оставалась „секретом изобретателей“, а последующие поколения снова начинали проделывать те же работы.

Так велось до нашего времени. Ныне в столицах возникли школы стихосложения, в которых молодежь может изучить технику искусства под руководством опытных мэтров и теоретиков.

* Стихи М. П. и Ив. Львова стоят особс.

Такие школы начали появляться кой где и в провинции. Здесь они еще больше нужны, чем в столице, где изустная преемственность и общение с знатоками все же возможнее.

До сих пор на русском языке положительно отсутствовала литература по теории стихосложения, не считая школьно-казенной (исключение — словарь Остолопова).

Только за последнее время появилось несколько серьезных работ Валерия Брюсова, Андрея Белого, сделавших очень много для теории стихосложения и вообще для развития техники русского стиха, а также работы Бар. Гинзбурга, Сергея Боброва, Н. Шулговского, В. Шкловского, Л. Якубинского, О. Брика, Б. Кушнера и немногих других. Но к сожалению и этих работ, частью распроданных, частью рассеянных по журналам и сборникам, достать невозможно.

В особенности по эвфонии стиха у нас нет ни одной книги, и автору этих строк пришлось собирать по крупицам не многие рассеянные сведения и самостоятельно разрабатывать вопросы эвфонии стиха при отсутствии литературы по произведениям наших поэтов. Работы эти в виду отсутствия литературы вопроса предполагается при первой возможности выпустить в печати.

Студия задается целью не только учиться, но и изучать. Так Студией начата работа по изучению рифмы Пушкина и составлению словаря Пушкинских рифм. Такого словаря еще пока не имеет ни один из наших поэтов.

В дальнейшем предполагается изучение рифмы в этимологическом отношении и др. работы.

Большинство представленных в нашем сборничке молодых поэтов появляются в печати впервые. Иные студийцы, как напр. рабочий М. Пестовский. Свор-

цов и др., не имели никакого представления о теории стихосложения. Первый ныне оказывает быстрые успехи и представленные в сборнике стихи его не имеют ничего общего, с его убогими виршами, печатавшимися в местной газете раньше. Неожиданно быстрые успехи, оказанные им в короткий срок, показывают в нем недоужинные способности. Чижев также подает надежды, хотя за «краткостью» работы невыявившиеся.

Тоже можно сказать и о некоторых других, начавших с очень плохих виршей и быстро развертывающихся в настоящих стихотворцев. Их произведения говорят сами за себя. Конечно не все из студийцев будут поэтами, но распространение знаний о стихе в массе чрезвычайно желательно.

Склонность к стихосложению в массах русского народа очень велика. Об этом говорит богатая славянская народная литература и живые, подвижные и обильные песенки последнего времени—частушки быстро рождающиеся и исчезающие в народных толпах. У некоторых народов, как напр. у Японцев стихотворчество чрезвычайно распространено в народных массах. Почти каждый японец и японка пишут стихи. (Эти стихи в Японскую войну находили при трупах убитых японцев и у пленных). Пишущему приходилось наблюдать и в нашем народе эту склонность. Но не только простой народ и не только читатели наши, но и критики и рецензенты часто не имеют никакого понятия о строении стиха и с видом знатоков трактуют о том, чего они сами не знают, уподобляясь крыловскому петуху из басни. Этим вероятно объясняется та обильная ругань, которую нам преподносят вместо рецензии, ибо ругаться всякий умеет, а для того, чтоб разбираться в стихе—нужны знания.

О чрезвычайно важном, облагороживающем значении поэзии и ее воспитательном значении говорить я думаю, излишне: так азбучны и общеизвестны ходячие фразы о влиянии изящных искусств и в особенности лирических эмоций на человека.

Изучая технику, приемы и методы творчества, Студия не навязывает молодым поэтам никакого „направления“, никакой тенденциозности, „школы“ или течения в искусстве и мысли. Мы выработываем лишь форму, как кубок, в который каждый может вливать любое вино.

Естественно, что мы не ограничиваем себя только изучением теории, но интересуемся и вопросами психологии творчества, а также подсобными знаниями и коллективной критикой.

Сборник этот является первым пробным камнем Студии. В нем участвуют лишь некоторые из студийцев. В последующих же сборниках примут участие и другие.

Сборник „Сполохи“ сам по себе может служить показателем успехов студии, но несомненно следующий сборник будет иметь в этом отношении еще большее значение, ибо для измерения того расстояния, какое пройдет каждый молодой поэт, будет точный знак отправной точки, тогда как, для измерения ныне проделанной работы (для посторонних) нет такой точки, за исключением разве упомянутых вирш в местной газете, известных немногим.

В. Устюг
1 июня 1920 г.

Ив. Львов.

М. Пестовский.

Пролетарий.

Втиснут с детства в жизнь фабричную
Неизбежную судьбой,
Заколдован песней зычною,
Вызван голодом на бой,
В синей блузе, в кэпи кожанной,
С закаленной спиной,
Сила в мускулы заложена,
Взор решительный прямой.
Он рабочий—враг насилия.
Многолик он, и могуч,
Мне он брат, их много, с ними я
Не сорвусь с высоких круч.
С ними путь снегами тальми
Между гор и я пройду;
Не паду и под ударами,
А Грядущее найду.

Революция.

Ты пришла к нам в ярких ризах
Из веков туманных, косных.
Твой могучий смелый вызов
В вихре бурь молниеносных

Разбудил от сна заводы,
И посадки и подвалы.
Меч вонзив в седые годы,
Ты зажгла пожары ало...

За тобой рабов миллионы
Словно львы, разбив преграды,
Позабыв лишенья, стоны,
Вышли в бой на баррикады...

За свободу пали люди,
Флаг окрасив кровью раны,
И над миром крик орудий
Вынес приговор тиранам...

Рок наследья век гнетущий
На скале повис у моря,
Над землею свет грядущий
Брезжит сказкою о Воле...

Завод.

Он стоит в вихре грозных циклонов,
Непреклонный, и гордости полн,
Замер гул металлических звонов
И шипение огненных горн.

Он как жрец новоликого бога
Фимиам к небу дымкой струит,
Песней дикой стозвукого рога,
Он осанну свободе гремит.

В дни кипящих и буйных мгновений,
Развенчал он царей и богов,
Бросил в пропасть гнетущих забвений
Всю рутину туманных веков.

Он таинственно чудный и бурный,
Неуклонно рабочей рукой,
Создает храм свободы, лазурный,
Для великой семьи трудовой. . .

Песня Труд.

Там, где шестерни гремели,
В дымах сизых облаков,
В ядовитой атмосфере.
В пляске бешеной шкивов,

В песне дикой, величавой,
В странном шопоте валов,
В ликах пламенно кровавых
Тайну я нашел веков...

Я узнал что гений света...
Озаривший светом путь.
Разорвавший цепи гнета,
Есть железный дружный Труд.

Он девиз грядущей эры,
Согласованность идей,
И залог великой веры
В счастье, равенство людей.

С ним мы к жизни обновленной,
Лавой огненной взлетим,
Безмятежный и негленный,
Храм Культуры создадим.

В поезде.

Как стоногии змеи крылатый.
Кровью налиты глаза,
Семимильный, полосатый,
Буйно-дикий как гроза.

Дышет пеплом, мечет искры,
Горделив, могуч собой,
Он летит, как птица, быстро
Режет воздух головой.

Все кругом поля и горы,
Огород, крестьянский дом.
Телеграф и семафоры
Мчатся вихрем под окном.

Под ногами змея шпалы
Без конца назад бегут,
Он стальной тропой к вокзалу
Проторил себе маршрут.

Прилетел, вздохнул по зверски
И к платформе с ревом встал...
Ровно час. Пришел курьерский.
Вылезаем на вокзал.

Карусель.

День лучистый,
Золотистый,
Солнцу красному смеется.
Звук приветный
Тихий летний
Над землею песней льется.

Нарядились,
Расфрантились
В яркий купол голубой
Лес, просторы,
Зелень, горы
Словно праздник заревой.

Солнце властно
Морем ясным
В вихре вечного движенья
Уплывает
И рождает
Миру тайны наслажденья.

За рекою
Пеленою
Пар ложится на равнинах.
Луч игривый

Дрогнул гривой
И закрылся паутиной.

Феей нежной
В путь безбрежный
Ночь красавица выходит
И в волненьи
Длинной тенью
Краски черные наводит.

Звезды глазки
Яркой краской
В небе темном засветила
И в осоках
Вод глубоких
Как русалка загрустила.

На востоке
Красным оком
Солнце снова веселится.
День лучистый,
Золотистый
Новым утром возродится.

Весна идет.

Весна идет шумливая
Победною волной,
Кудрявая, игривая,
Сияет красотой.

Дарит всех поцелуями,
И ласкою полна,
Блестит небес лазурями:
Волшебница она.

Своим теплом встревожила
Глубокий сон реки,
Ручьи запели, ожили,
На волю потекли.

В лучах зима морозная
Слезами изошла,
Весна, как дева нежная,
На смену ей пришла.

Как зорька, дума светлая
Огнями сердце жжет.
Молюсь грозе всесветной я
За страждущий народ.

Весна.

Дни весенние вернулись,
Счастье на землю несут.
В зелень ивы нарядились,
На лугах цветы растут.

Солнце на небе смеется,
Светит ясно и тепло.
Ручеек как змейка вьется,
Мчится с шумом далеко.

Темный лес благоухает.
Аромат фиалки льют.
Птички вольные летают,
Песни сладкие поют.

Пахарь пашет свою ниву,
Плуг пластами землю рвет,
Конь---кормилец терпеливо
Свой тяжелый труд несет.

Ветерок играет в поле,
Песня льется из груди
И о братстве, и о воле,
И о счастье впереди.

В Литейной.

Печи огненною лавой
Льют расплавленный металл.
Воздух дымный, свет кровавый,
Звуков, блесков бурный шквал.

В голосах людей-титанов
Слышен мерный стали ритм.
Лязг цепей и стоны кранов...
Все сцепилось в схватке битв.

Под корой земли дымящей,
Спит великое рожденье
Жизни к жизни восходящей,
Гук мозолистых творенье,

Ежедневное рожденье
Светлых радостных побед
И живое восхожденье
Ярких творческих комет...

К. Скворцов.

Вечером.

Огнеликий авиатор—
Солнце, бога правый глаз,
Облетев полуэкватор,
Скрылся за морем от нас.
Вечер воздухом нагретым
И горящая заря
Нежат нас лиловым светом,
Шепчут, слов не говоря.
Ветер няни бережливей
И реплет прядями волос,
И река в своем разливе
Бьет волнами под откос.
Все затихло. На покое
Грач уселся половчей.
Лишь руладой безмятежной,
Композитрует ручей.
Догорает вечер вяло,
Не желая догорать,
Вслед за ним уже послала
Ночь сияющую рать.

У реки

Предвечерний ветер южный
Ночевать ушел в моря.—
Стало тихо. В час досужный,
В час вечернего покоя,
Над зеркальной рекою
Улыбается заря.

А вода в реке играя,
Тихо шепчет берегам,
Что приходит время мая,
Расцветут весны уборы
И опять певцы Авроры,
Возвратятся скоро к нам.

И подслушав струек пенье
Засыпающей реки,
Ночь в алмазных украшениях
К нам сошла и как богиня,
Плащ набросив темно-синий,
Засветила огоньки.

Всем отрадно на просторе
Слушать ропот вешних вод,
Возвращающихся в море.
И под музыку природы,
Позабыв свои невзгоды,
Встретить новый вешний год.

Сердце радо—нет волнений,
Нет обыденных забот;
Рай весенних впечатлений
И реки дремавшей сказки,
Ветерков игривых ласки
Стушевали жизни гнет.

Архипов.

Почему?

Почему это поздней порою,
Лишь погаснет тоскливо заря,
Беспричинною, грустною мглой
Одевают печали тебя?

Почему в задремавшей природе
Ты не видишь родник бытия
И мечтами о вечной свободе
Все терзаешь и мучишь себя?

А когда сиротливую песню,
Запоет дикий ветер в трубе,
Что-то вдруг на душе оборвется
И безмолвно заплачет в тебе?

Но порою, в часы размышлений,
Всколыхнется надежда в груди
И с волнами неясных стремлений,
Порывается к счастью идти.

И мечтами, как дух окрыленный,
В задремавшей, сонливой тиши
Ощущаешь ты факел зажженный
В молчаливых потемках души.

Море жизни.

Бурно вздымаются волны горою,
К берегу спешно бегут и бегут,
Душу пугая своей глубиной,
Далью туманной, грядущей судьбою...
Волны шумят и поют.

Тучи покрыли лазурь голубую,
Мрачно нахмурилось зеркало вод.
Буря спугнула мечту золотую.
Думу заветную, песню живую...
Грозен и хмур небосвод.

Северный ветер над бездной гуляет,
Яростно рвет и вздымает валы,
Жалобно плачет о чем то рыдает.
Сердце сжимается, сердце страдает...
Страшны удары судьбы.

Хмурятся тучи, рокочут, сверкают,
Землю окутал таинственный мрак.
Светочи жизни испуганно тают,
Думы мятежные дразнят, пугают,
Гаснет призывный маяк...

На берегу.

Звуки рождаются, тают, смолкают.
Берег обрывистый волны ласкают.
В шелесте листьев, в речах ветерка,
В радостном лепете струй ручейка
Слышится что-то безмерно живое,
Вечное, чистое, сердцу родное.
Тихо... сонливо... шуршит тишиною
Ласковый ветер веселой весною.

Н. Петров.

Поэт.

Кинжалом слов я душу раню,
И в кровь тоски окрасит грудь.
Несутся дни быстрее лани,
Минуты счастья не вернуть,
В гипнозе слов очарованья
Утихнет боль сердечных ран.
Какой простер твоим желаньям!
И ты, и я стиха обман,
Аккорд души одни стремленья,
Мечты, нездешние, мечты...
Мы цели дней разбили в звенья,
Познали вечность красоты.

В пасху.

В небе топят купола
И кресты церквей.
Воздух чист. Колокола
Все поют звончей.
Гармоничный меди стон
Зыблет душу мнѣ
Все кругом ликует в тон
Праздничной весне.

Куранты.

На фарфоровых курантах
Мелодичный перезвон
Нарушает эlegantных
Статуэток сон.
Просыпается маркиза.
Темный взор ее очей
Оживляет и маркиза,
Друга старых дней.
Соскочивши с пьедестала,
Начинают менуэт.
Полночь бьет и ночь настала.
Сказки дивной нет
Брезжит в окна утро снова.
Ночь уходит на покой
И фарфоровых курантов
Мерный слышен бой.

Ночь.

Стройных тополей аллея
Освещеная луной.
Чуть рисуется белея
Контур церкви за рекой.
Золотится крест высокий.
В воды смотрится луна
Сон весенний, сон глубокий...
Ночь загадками полна.

Пью я жизни бокал...

Пью я жизни бокал.
Пеной брызжет вино.
Детство, юность отдал,
Недалеко и дно.
И сверкает хрусталь
С влагой жизни моей.
Пью я медленно... жаль,
Как глотков этих дней.

Васильки.

Ярче неба васильки
Очи девы лета.
Их целуют мотыльки
Радостью привета.
Синебкие глаза
В счастья смеются
Иль слезой блестит роса?
Песни пташек льются.
Остро-звонкая коса
Их подкосит в осень,
В голубые небеса
Искру жизни бросив.

Футбол.

Мяч летит быстрее птицы,
Он несет собою гол.
Игроков смеются лица
Это бешеный футбол.
С гулко отбитым ударом
Мяч свечей стремится в высь.
Лица пышут алым жаром!
К голу новому стремись
„Рефери свистком облают.
Передышка.. вновь удар.
„Пендель-рендель, сбоку-„ауг“...
Жизни огненный пожар.

Утро.

Ветра теплое дыханье
Пряный запах тополей.
Пташек песни, щебетанье
Зелень свежая полей
И лазурно голубая
Ширь привольная небес
Лаской светится, блистая
Оживился старый лес,
Серебрится гладь речная.
Над водой висит туман.
Расцветает утро мая.
Птиц пронесся караван.

К. Барачевская.

Сорванные подснежники

Лаской умирающей,
Грустью утихающей
Верт белоснежные звездочки-цветы.
Словно, безотрадную
Мысль беспощадную,
Отблески последние сломленной мечты.
Лепестки душистые,
Нежно-серебристые
Для кого надломлены дерзкою рукой?!
Тот, кому приноситесь
И в чью душу проситесь,
Не поймет значения чуждою душой.
Стебельки покорные
Увядают черные,
Пожелтели белые звездочки-цветы,
И трепещут ласкою
И последней сказкою
Крылья белоснежные сломленной мечты.

Бред.

Он приходит даже в ярком блеске дня! .
Что он хочет, мертвый призрак, от меня?
Разлюбила, позабыла я давно,
Так зачем он все стучит в мое окно?!

И нейдет от изголовья ночью прочь,
До зари он шепчет сказки мне всю ночь
И тоскует и зовет меня с собой
В лунном свете по дороге голубой.

Порываюсь; вся мунительно горя...
В ясном небе занимается заря,—
--Уходи, не затмевай мое окно,
Ведь тебя же разлюбила я давно!..

* *

*

О, ничего нет прозрачней неба
И света солнца нет горячей!
Какое счастье, какая нега
Упиться лаской его лучей.

Над каждой травкой, вдали от шума
Я в умиленьи склонюсь перой;
В душе так ясно, затихла дума,
В траве сверкает жемчужин рой.

Вслед за водою весенней, звонкой
Несутся мысли... Вода поет,
Сверкают струйки, кружат воронкой,
И мысль не в силах прервать полет.

О если-б можно навеки слиться
С лазурью неба, с водой, с травой
И вместе с ними уметь молиться,
Душе тревожной найти покой!

Мария У.

Грезит мирозданье.

Ночь. Болото.
Плачет кто-то?
— Нет, то ветер...
Кто ответил?
Глушь и Тишь.
Вода. Камыш.
Шелест. Шопот.
Чей то ропот.
Страшно. Жутко.
В небе чутко...
Мрак. Молчанье.
Трав лобзанье.
Бред иль сказки
Тайны ласки...
Звезд Мерцанье:
Грезит Мирозданье.

Н. Болотова.

* * *

Словно раненая птица
Бьюсь в тоске своей...
Дней тоскливых вереница,
Серых дней.
Я устала жить без жизни!..
Новаго пути
Я не знаю, укажи мне.
Как итти?..
Если смелый ты и сильный, -
От своих огней
Дай мне факел, факел дивный.
Дай, скорей!
Я взмахну им гордо, смело
И пойду вперед,
Вдаль, где радостное дело
В жизнь зовет..
И отдам без размышлений
Силы всей души.
Весь огонь своих стремлений..
Поспеши!
Я устала спать... Проснуться
Я хочу... гореть...
Птицей гордой встрепенуться,
К солнцу улететь!...

Где дорога? Как найду я? Что я, слабая, могу?..
Не хочу таких мучений, даже недр/гу-врагу...
Неустанные стремленья!—неизбежна их

печаль...

Почему так ярко солнце? . В край какой
уводит даль?..

То, что близко, не ответит...

То что дальше промолчит...

Сердце стонет.. Сердце плачет...

Чайка белая кричит...

.
Чист и ровен синий фон

Неба и реки...

Знсен, ярк солнца тон...

Больно от тоски...

Романс.

Ночи бархатный кров... мы вдвоем... мы одни...
Мир далек... Мир молчит... Тишина...
Неба звездного трепетны, робки огни...
И бледна молодая луна...
Мы с тобою вдвоем, нежный ласковый друг...
Ближе, крепче прижмись .. обойми...
Разомкнется ли когда нибудь тягостный круг?...
Я устала.. мне больно— пойми—
Истомили меня мои темные дни...
В эту ночь мне светло и легко...
В эту ночь я твоя... В эту ночь мы одни...
И печаль далека .. далека...
Пусть безмолвна томящая ночь за окном ..
Пусть она беспросветно-темна...
Нам с тобою-светло,.. Мы .. одни, мы вдвоем...
...Мир далек. . Мир далек... Тишина...

И, казалось, что счастье близко так и
возможно,—
Собирался сегодня ко мне, любимой своей,
ты притти...
Но... забилося больно сердце в груди и
тревожно,
Когда ты мне встретился неожиданно на пути...
Ты сказал мне тихо, что был у меня и
что больше сегодня не придешь...
Так неясно сказал.. Помешали чужие яснее
сказать...
Разошлись... Ничего не пойму я..
Но страдаю... Ты знаешь? Ты слышишь?
И умеешь ли, можешь ли ты тревогу мою
понять?..
Что-нибудь случилось? . Ничего про тебя
я не знаю..
И всегда мы далеко...—Близкие друг другу—
вдали...
И от этого я так безмерно, и страшно
страдаю...
И тебе не легко... Ведь так много между
мною и тобою любви...
Оттого то сегодня в душе моей боль и тревога...
Оттого мучительна так красота любви венца...
Ведь солнца так много сегодня... Так
весенне сверкала дорога ..
Так хотелось и хочется счастья... и любви...
без конца... без конца...

Ф. Цивилев.

* * *

Лови неуловимое!
Гляди,—оно везде:
И в песне серафимовой
В заботах и в труде.
Нежданно и негаданно
Оно само придет
В душе-ли с сердцем ладу нет
Иль давит черный гнет—
Внемли! И озарение
Внезапно осенит,—
Как легче вырвать терние
И отместить гранит.
И снова, снова весело
Прокладываешь путь,
Тебя уравновесила
Совсем иная суть:
Неясно-ощутимое
Понятным стало вдруг.
Лови неуловимое,
Ищи его вокруг!
Сполохами, намеками,
Сверкнув, растает в дым;
Повеет между строками
Неведомо-родным.

Пусть счастье переменное
Окрасит только день,
Лови его нетленное,
И золотую тень.

Накинь в часы страдания
На мучающую лжь—
Вмиг тайну обаяния
Прошедшего вернешь.

Лови неуловимсе,
Ищи его везде
И в песне серафимовой,
В заботах и в труде.

Тоски налет.

В миг когда душа измучена
И покоя ждет,
Прихожу я на излучину
Погрустить у вод.

В бледной дымке бархат зелени
Нежен для очей.
Вот косыми параллелями
Пала сеть лучей.

Под корявою рябиною
Шевельнуться лень..
Золотою паутиною
Задрожала тень.

А на холст воспоминания
Мягко кисть кладет.
Чувства поздние и ранние
И тоски налет.

Выйди, красавица,
В сад за окно:
Жизнь раскрывается
Ночью одной.

Травами воздух
Грудь одышал;
В рдеющих звездах
Тонет душа.

Прочь все обиды,
Грусть и беду!
Милая Лида,
Выйди, —я жду!

Выйди, красавица,
Сядь под окном!
Нам улыбается
Счастье давно..

Этою ночью
В сладком плену,
В море двучий
Я потону.

С радостным видом
Дрогнет рука..
Милая Лида,
Жизнь коротка!

Выйди красавица,
В сад за окно!
Кровь превращается
Ночью в вино.

Ходит, балует
В жилах она.—
Для поцелуев
Ночь создана.

Людам не выдам
Тайны своей..
Милая Лида,
Выйди скорей.

Цветы.

На окне в моем бокале
Ландыш с незабудкой,
Наклонившись, задремали,
Задремали жутко.

Ночь пришла, фатою теплой
Кутая растенья.
На нее глядят сквозь стекла
Цветики, как тени.

Им не слышен монотонный
Свист полночной пташки,
Не струится воздух сонный
Запахом ромашки...

Кто безжалостной рукою,
Оторвав от корня,
Их воткнул в бокал с водою,
И забыл сегодня?

Под расцвет холодной дали
Бледной молчаливой,
Наши пленники завяли
Тихо и красиво.

На просторе.

Нам плеснуло белою волною прямо в лодку.
И запенясь прокатился вал...
Облака бежали стороною,
Свет заката в небе догорал.

Там туманы медленно спускались
С отдаленных и прибрежных гор.
Мы с тобой, смеясь, стрелою мчались
В золотой неведомый простор...

Утопал, бледнея в мгле вечерней,
Шумный город, в гавани суда...
Вот раздался гул. Он был последний.
Смогло все и небо и вода.

Над дремавшим морем мы запели
Гимн Любви... Твой голосок дрожал...
Подхватили волны наши трели,
Поцелуй наш ветерок сорвал.

Колыхая на груди могучей,
Нас несла куда-то прихоть вод.
И к себе в объятия звали тучи,
И глядел очами небосвод.

* * *

Я дрожу: в ноктюрн Шопена
Чувства вложены,
Не могу уйти из плена,
Сбвороженный ..

Все бы слушал, да баюкал
Мысль тревожную.
Сердце ранит ласка звука:
Но возможно ли ..

Вижу девушку в мимозах,
Вся настроена:
Тонкий флер с головок Греза,
Свежесть—Тумана.

Чу! Последний штрих Шопена.
Ноты сложены
Не могу уйти из плена,
Обвороженный.

Зоя Львова.

В окно вагона.

Снежно белой паутиной
затянулись облака.
В перегонку с деревцами
мчится жуткая тоска.
Ритмы поезда смешались
вместе с ритмами души,
Волновали и шептали:
рифмой звякай и пиши.
На минутной остановке
слышны чьи-то голоса.
Снова едем. Замелькали
вновь поляны и леса...
Ах, не пишется! Мне стало
как-то разом все равно,
Безнадежно, безотрадно
смотрит тусклое окно.
Мое сердце затянули
безразличьи облака
Снежно белой паутиной
нудной скуки паука.

Стихи весенние.

Мой милый, веришь ты, я знаю—
Я для тебя уже не „тень“
Смотри—кругом цветет сирень,
Сирень поет хоралы Маю.

Во дни сиреневой мечты,
Во дни сиреневых бокалов
Лучи огней—не лед опалов
Светясь поют: со мною ты.

Любовь цветет, цветет сирень.
Улыбки нежны и печальны.
Мы близко, близки, все же дальни:
И свет и тень приносит майский день.

М. П.

Сияет в мире вечно нетленная краса:
Над нами те-же ныне, как древле, небеса,
Зарюю алой пышет сверкающий закат,
И вечным блеском в небе созвездия горят,
И море разстиляет безбрежный полог вод,
Благоухает роза, и лилия цветет;
Красою неизменной проникнут Божий свет—
Гармонии и мира в душах людских лишь нет.

Из Гейне.

Из слез моих горьких родится
Немало душистых цветов;
Вздохну я и вздохам ответит
В лесу хор пернатых певцов.

И если меня ты полюбишь —
Себе все цветы те бери,
И пусть соловей под окошком
Поет тебе песнь до зари.

Близ Коринфа, в роще Афродиты,
В лунном свете дремлют кипарисы,
И безмолвны мраморныя плиты
Над могилой ветреной Лаисы.

Спит она под хладною плитою,
Позабыв и ласки, и обиды,
Спит, обвита белой пчелою,
Под покровом матери—Киприды.

Ночью ведьма рыщет над землею,
Злой вампир отыскивает пищу,
И, качая головой тройною,
Тень Гекаты бродит по кладбищу.

Но пускай они глядят сердито;
Не смутить им вечный сон Лаисы:
Жрец своих не выдаст Афродита,
И стоят на страже кипарисы...

В диких воплях зимней вьюги
Раздается громкий плач;
Словно тешится над жертвой
Беззащитною палач:

Слышны тяжкия рыданья
И напевы похорон,
И гудит, и замирает
Гулкий колокола звон.

В громких столах злого ветра
Раздается, мчится вдаль
Непонятное страданье,
Беспричинная печаль.

Из Марии Корелли.

Ты, что мною была позабыта,
Знай, что все-же тебя я люблю.
И о том, что на сердце сокрыто,
Я сказать мне с тоскою молю.

Если ты мне, любя, все простила—
Далеко от людей мы уйдем.
И в пустыне, немой, как могила,
Друг для друга лишь жизнь проведем.

Ив. Львов.

Сполохи.

Буря, злясь, рычала зверем
Огневой бросала взор,
Уходя за горный терем,
На преддверье ранних зорь.

Там, смирясь, закрывшись флером,
Улыбнется и вздохнет.

Вдаль огненным, быстрым взором
Сквозь вуаль, смеясь, сверкнет.

И сполохи золотые,
Уходящих в дали гроз,
Будят силы молодые
В заревых бутонах роз.

Уходите грозы в дали:
Нам без вас светлей, вольней!
Скинем мрачные вуали,
И зажжем ряды огней.

Мы спаяем руки в звенья,
Зазмеится хоровод,
Гулу лирного гуденья
Улыбнется небосвод.

Поэзия.

Богиню мысль одел в тунику
Нарядных образов и троп.
В венок ей вплел любви гвоздику
И вешних грез гелиотроп.

Ей дал движенье в мерном ритме
И легкость гибкую в стопе.
Дал голос звонкий в звонкой рифме
И стройность легкую в строфе.

И мысль бесплотная, как боги,
Земной оделась красотой,
А головы моей чертоги
Ей стали тесною тюрьмой.

Космогония.

На коне, как синий пламень,
Светлый ангел-метеор
Сек копытом тверди камень,
Разсыпая искр узор...

То предвечный вестник Бога
О создании миров
Вслед за ним пылит дорога,
Млечный стелется покров,

Как вселенская основа.
Пала в пламени огня
Сребролунная подкова
Ог копыт его коня.

В ночь на хартии небесной
Те же знаки до сих пор:
Светит месяц в поднебесной,
Млечный путь и звезд узор.

Дорога мечты.

Тихо ночь темнокрылая
Золотые рассыпала лютики.
Изумленно ресницы открыла я
На небесные яркие цветики.

В высоте загорелась светлая
Раздвоенная бледная линия.
К ней простерлась, как гибкая ветла, я
В эмпиреи таинственно синия.

Для мечты путь дороженька млечная
Вся в жемчужном, волшебном сиянии!
Смело грезы плывут быстротечная
В голубом, как эфир, одеянии.

Денница и ночь.

Дева неба молодая,
Подвязав кудели солнца
К голубой волшебной прялке,
Пряла нити золотые,
Золотые волоконца.
Ими все былинки мира
Нарядила как для пира
В светлый праздник жатвы хлеба.
Из садов высоких неба
Стала к вечеру спускаться.
Близь земли в лазурном лоне
Расправлять кудели на ночь
Постелила в небосклоне.
Как весенними мечтами,
Златоалыми цветами
Загорелись волоконца.
Догорали, потухали
Золотые нити солнца.

А на смену дева ночи,
Раскрывая звезды-очи.
Вышла в небо с прялкой Млечной
И серебряные нити
Стала прясть с улыбкой вечной.
И блестели. и горели
Сребролунные кудели.
Узелочки светлой пряжи
Словно звезды рассыпались
По тунике Темной Ночи
И под утро лишь смежались
Темнокудрой девы очи.
Вся в лучах из перламутра
Дева спать уйдет под утро.
На заре сестра блондинка
Заревые волоконца
Будет прясть как паутинки
В золотую пряжу солнца...

Плен.

Поют сегодня ритмы
Мне с раннего утра.
Стучатся в двери рифмы
И просятся с пера.

А образы, как птицы,
Слетаются толпой,
Веселой вереницей
Мне шепчут нежно: пой!

Но жизнь голодным воем
Запела песню дня.
Дневных забот конвоем
В полон взяла меня.

Предвесенье.

Сонет.

Нежный цвет в глубоком небе—
Чую я весны полет.
Одиноко тучка-лебедь
В синем озере плывет.

Ярко искрятся поляны
Бледно розовых снегов.
Словно легкие туманы
Кручи дальних берегов.

Грудь вольней, блаженно дышет.
Воздух чем-то напоен.
Где-то звук зыбучий слышен—

Это дальний, дальний звон.
А в груди румян и пышен
Расцветает вешний сон..

Ледоход.

Посинел, как в мертвой петле.
Лед предсмертный на реке.
И не знает чайка—петь-ли
Иль застыть в немой тоске.

Иль у чайки белых риз нет,
В первый радостный парад?
Из за тучки солнце прыснет
Резвых стрел алмазный град.

Вдруг проснулся обветшалый,
Зашумел весенний лед.
И рванулся злобно шалый,
Словно чайки зыбкий лет...

Режет, крошит и скрежешет,
И шуршит, шумит, гремит..
Брызги льда на берег плещет,
Строит горы пирамид.

Из настроений.

Или новыми глазами
Вижу я нежданно свет,
Или плакал и слезами
Смыл наслойки прошлых лет?

Или новый мир сегодня.
Как червонец из станка?
Обновила-ль мир Господня
Чудодейная рука?

Солнце смотрит как-то ново,
Пляшет в зыби резвых вод.
Словно праздничной обновой
Голубеет небосвод.

Новый звон над подем льется.
Запах новый сонных трав...
Сердце новым ритмом бьется
Полным радостных отрав.

Небо космы растрепало
По синеющей фате
И горит зловеще, ало
В горизонтовой черте.

Всюду спать ложатся тени
Гуще, больше и плотней.
Льются струйки нежной лени
От столпившихся теней.

Я хочу закрыться грезой
От дракона бытия:
Незаметно малой дозой
Входит жало лезвия.

Кошмар.

Долго длится ночь глухая
На земле.

Ветер злится, завывая,
На селе.

Нет терпенья, нету веры
Больше ждать,
Как польется нам без меры
Благодать.

Ночь ненастная кошмарно
Тяжела.

Зорька грезится янтарна
И ала.

Мрачной ночью жутко снится
Дребедень...

Пусть скорее загорится
В небе день!

Оглавление.

Предисловие. 3 стран.

М. Пестовский

Пролетарий	7 стр.
Революция	8 "
Завод	9 "
Песня Трудю	10 "
В поезде	11 "
Карусель	12 "
Весна идет	14 "
Весна	15 "
В литейной	16 "

К. Скворцов

Вечером	17 "
У реки	18 "

Архипов

Почему?	20 "
Отзвучали красиво	21 "
Море жизни	22 "
На берегу	23 "

Петров

Поэт	24 "
В пашу	— "
Куранты	25 "
Ночь	— "
Пью я жизни бокал	26 "
Васильки	— "
Футбол	27 "
Утро	— "

Барачевская

Сорванные подснежники	28 "
Бред	29 "
О, ничего нет прозрачн.	30 "

Мария У.

Грезит мирозданье	31 "
-------------------	------

Н. Болотова

Словно раненая птица	32 "
Чистый, ровный,	33 "
Не порвать, никогда...	35 "
Романс	36 "
В'моей душе	37 "

Ф. Цивилев

Лови неуловимое	39 "
Годки налет	41 "
Выйди, красавица	42 "
Цветы	44 "
На просторе	45 "
Я дрожу	46 "

Зоя Львова

В окно вагона	47 "
Стихи весенние	48 "

М. П

Сияет в мире вечно	49 "
Из Гейне	— "
Близ Коринфа	50 "
В диких волях	51 "
Из Марии Корелли	— "

Ив. Львов.

Сполохи	52 "
Поэзия	53 "
Космогония	54 "
Дорога мечты	55 "
Деяница и ночь	56 "
Плен	58 "
Предвесенье	59 "
Ледоход	60 "
Из настроений	61 "
Небо космы расгреб.	62 "
Кошмар	63 "